
Исламский терроризм в регионе Большой Центральной Азии: "аль-каидизация" узбекского джихадизма

Дидье Шодэ

Декабрь 2008

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2008

ISBN: 978-2-86592-426-4

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles

RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски:

– Стефен Арис, «Российско-китайские отношения через призму ШОС», *Russie.Nei.Visions*, №34, сентябрь 2008;

– Андрей Картунов, «Сотрудничество в сфере высшего образования между Россией и США: от технического содействия к поиску новой модели», *Russie.Nei.Visions*, №33, август 2008;

– Керри Лонгхарст, «Дифференциация европейской политики соседства и её последствия для Украины», *Russie.Nei.Visions*, №32, июль 2008.

Об авторе

Дидье Шодэ – научный сотрудник Центра Россия/ННГ Французского института международных отношений (ИФРИ). Стипендиат программы «Fox International Fellowship» Йельского университета и выпускник Парижского института политических исследований. В настоящее время ведёт в этом институте курс по вопросам безопасности «Большой Центральной Азии», которая включает бывшие советские республики Центральной Азии, Афганистан и Пакистан.

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
УГРОЗА УЗБЕКСКОГО ИСЛАМИЗМА И ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА	8
Корни джихадизма в Узбекистане	8
Рост угрозы ИДУ в период до 11 сентября 2001 года.....	11
ИДУ после поражения талибов	15
ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ АФГАНСКОГО ЭМИРАТА: УЗБЕКСКИЙ ДЖИХАД БЕЗ ЛИДЕРА	19
Внутренний раскол и зарождение центральноазиатской Аль-Каиды.....	19
Джихад без руководителя в Ферганской долине	23
Ответственность региональных держав.....	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	31

Краткое содержание статьи

Проблема исламистского терроризма в Центральной Азии рассматривается в статье через призму Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и отколовшихся от него ячеек, представляющих реальную угрозу, которую можно сравнить с угрозой Аль-Каиды. Ещё до начала американской военной кампании в Афганистане, исходящая от ИДУ угроза вышла за рамки одного государства. Деятельность организации уже тогда перешла на региональный уровень и стала угрожать по меньшей мере трём государствам: Таджикистану, Узбекистану и Киргизстану. Потеря афганского оплота в конце 2001 года нанесло движению ощутимый удар, но не уничтожила его. Изменение ситуации способствовало переходу от вертикальной структуры организации к сетевой. На сегодняшний день проблему представляют не только само ИДУ, но и отколовшаяся от него ячейка – «Исламский союз джихада» (ИСД), а также сеть «спящих» ячеек в Центральной Азии, сохраняющих связи с ИДУ и ИСД, но способных действовать автономно. «Аль-каидовская» угроза здесь вполне реальна, и её необходимо рассматривать не только в контексте постсоветской Центральной Азии, но и через призму войны в Афганистане, поскольку неоталибы являются основными покровителями ИДУ и ИСД.

Введение

Оценка реального влияния исламистских группировок в Центральной Азии вызывает разногласия. Некоторые из них известны проведёнными ими операциями, а другие обязаны своей известностью акциям, зачастую бездоказательно приписываемым им.

Ярким примером тому является движение Хизб ут-Тахрир (Партия освобождения). Среди аналитиков и государственных официальных лиц зачастую бытует мнение о том, что именно эта радикальная, хотя и придерживающаяся ненасильственных методов, организация является основным источником исламского терроризма в Центральной Азии. Некоторые без колебаний сравнивают Хизб ут-Тахрир с Аль-Каидой, утверждая, что первая может стать опаснее второй в долгосрочной перспективе¹. Такую возможность, конечно, не стоит отрицать, но на сегодняшний день организация отличилась лишь распространением пропагандистских листовок². Однако сравнение с Аль-Каидой не лишено смысла, ведь именно с этой организацией ассоциируется сегодня любая глобальная террористическая угроза. Поэтому важно понять, существует ли на самом деле «аль-каидовская» угроза в таком регионе как Центральная Азия, который, с одной стороны, находится в непосредственной близости от зоны военных действий в Афганистане, а с другой, благодаря своим запасам нефти и газа, привлекает интерес, в том числе и европейских стран.

Для начала необходимо чётко обозначить различия между исламистскими движениями, от которых исходит разная степень угрозы. Можно выделить три основных типа группировок:

– Воздерживающиеся от насильственных методов в распространении своих идей, даже если пропагандируемая идея носит радикальный характер. К организациям этого типа можно отнести Хизб ут-Тахрир или Таблигхи Джамаат («Передающая группа»)³. Они не

Переведено с английского Натальей Киселёвой-Туде.

¹ См. S. R. Bowers, V. Ciobanu, A. Tabyshalieva, «Hizb ut-Tahrir in Tajikistan» [Хизб ут-Тахрир в Таджикистане], William R. Nelson Institute, декабрь 2003.

² С оценкой угрозы, которую представляет Хизб ут-Тахрир, можно ознакомиться в D. Chaudet, «Hizb ut-Tahrir, an Islamist Threat in Central Asia?» [Хизб ут-Тахрир, исламистская угроза в Центральной Азии?], *Journal of Muslim Minority Affairs*, Т. 26, №1, апрель 2006, с. 113-125.

³ О Хизб ут-Тахрире и Таблигхи Джаамате см. D. Chaudet, «La menace djihadiste en Grande Asie Centrale» [Угроза джихада в Большой Центральной Азии], *Politique Etrangère*, №3, 2008.

представляют прямой угрозы безопасности. Поэтому, если наблюдение за их членами с целью выявления потенциально опасных лиц может быть оправданным, эти организации всё же не должны служить главными объектами политики борьбы с терроризмом.

– Прибегающие к насилию исламо-националистические группировки. Их деятельность определяется национальной политической сферой⁴. Они придерживаются теологического понятия «оборонительного джихада» как реакции на прямое притеснение или оккупацию⁵. Если отбросить исламский аспект их деятельности, можно утверждать, что эти группировки являются последователями антиколониального и освободительного движения прошлых лет⁶. Они стремятся к участию в управлении какой-либо конкретной территорией. С этими группировками можно вести переговоры, и они не станут «стоять на смерти», если им предложат выход из ситуации, в которой им не удалось захватить власть.

– Группировки «аль-каидовского» типа. Их идеология может быть определена как салафистско-джихадистская. Салафизм основан на строгой, буквальной интерпретации ислама. Религиозные тексты воспринимаются салафистами как единственный авторитетный источник, который позволяет избежать человеческой субъективности и личного интереса, приводящих, с их точки зрения, к миру, в котором торжествует несправедливость, и где слабый не находит защиты. Эти группировки считают нынешние режимы в мусульманских странах виновными в создании такой ситуации⁷. Для салафистов только их собственное понимание ислама является правильным, что превращает их в экстремистское, но зачастую разобщённое, движение. Джихадизм является одним из ответвлений салафизма. Его последователи убеждены в том, что на политику в мусульманском мире можно повлиять только путём насилия. Они применяют стратегию «сверху-вниз» (*top-down*) и, как большинство исламистов, не ставят целью обращение в свои идеи. Их цель заключается в навязывании своих взглядов насильственным путём через захват государственной власти или террористические акции. Как и в случае исламистских националистов, появление движения джихадизма – ответ на политическую среду, основанную на притеснениях, но в отличие от первых, оно направлено не только против «ближнего врага» (местные политические режимы). С точки зрения его сторонников необходимо также активно бороться с «дальним врагом» (под которым в большинстве случаев подразумеваются США и, в более широком смысле, все великие державы).

⁴ O. Roy, *Généalogie de l'islamisme* [Генеалогия исламизма], Paris, Hachette, 1995, с. 101.

⁵ Такую позицию занимает группировка Хезболлах. Подробнее об этом см. W. Charaga, F. Domont, *Le Hezbollah, un mouvement islamo-nationaliste* [Хезболлах, исламо-националистическое движение], Paris, Fayard, 2004, с. 110.

⁶ H. Jaber, *Hezbollah, Born With a Vengeance* [Хезболлах, рождённый с мстью], New York, Columbia University Press, с. 17-18.

⁷ Q. Wiktorowicz, «Anatomy of the Salafi Movement» [Анатомия салафистского движения], *Studies in Conflict and Terrorism*, Т. 29, №3, с. 209-210.

Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему необходимо знать, действительно ли существует «аль-каидовская» угроза в Центральной Азии. В случае её существования, эта угроза относится не к одному государству, а, по меньшей мере, представляет вызов региональной безопасности. Подобная ситуация была бы особенно опасной не только для постсоветской Центральной Азии, но и для стабильности целого региона, который можно определить как «Большая Центральная Азия» (постсоветская Центральная Азия, Афганистан, Пакистан)⁸ и который может превратиться в главный фронт войны с терроризмом в ближайшие годы⁹.

В этой статье будет показано, что единственная существующая в постсоветской Центральной Азии «аль-каидовская» угроза исходит от ИДУ (Исламское движения Узбекистана) и его бывших членов. Глубокий анализ этого вопроса требует понимания эволюции террористического движения после окончания холодной войны. Было бы ошибочным сводить концепцию угрозы только к вертикально структурированным организациям. Террористические группировки не сводятся к их лидерам, поэтому подход к борьбе с терроризмом, основанный лишь на обезглавливании организаций не может быть эффективным. Несомненно, было бы ошибкой полностью сбрасывать со счетов историческую роль руководства, то есть «верхушку» пирамиды¹⁰. Историческое ядро ИДУ всё еще имеет большое влияние, а харизматические лидеры важны для сплочения групп. Тем не менее, необходимо помнить о том, что террористические организации могут также быть сетью без лидера¹¹. Именно это произошло с Аль-Каидой после поражения талибов и именно это происходит с ИДУ. «Аль-каидовская» угроза в Центральной Азии исходит не из одного источника, а может быть представлена как «многоголовая гидра»: само ИДУ, отколовшаяся от него ячейка ИСД (Исламский союз джихада) и продолжающие существовать в постсоветской Центральной Азии «спящие» ячейки.

⁸ M. B. Olcott, J. Linn, «Turmoil in Central Asia» [Волнения в Центральной Азии], *Wall Street Journal*, 12 августа 2008.

⁹ В ответ на вопрос, заданный в Сенате 4 августа 2008 года, Райан Крокер, посол в Ираке и бывший посол в Пакистане, признал, что реальная «аль-каидовская» угроза существовала не в Ираке, а в афгано-пакистанской зоне, что символически нанесло серьёзный удар по администрации Буша.

¹⁰ B. Hoffman, «The Myth of Grass-Roots Terrorism» [Миф о народном терроризме], *Foreign Affairs*, Т. 87, №3, май-июнь 2008, <www.foreignaffairs.org>; R. Gunaratna, *Inside Al Qaida. Global Network of Terror* [Аль-Каида: взгляд изнутри. Глобальная сеть террора], New York, Columbia University Press, 2002, с. 58.

¹¹ M. Sageman, *Leaderless Jihad* [Джихад без лидера], Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008.

Угроза узбекского исламизма и Исламское движение Узбекистана

Главную голову гидры представляет ИДУ в той форме, которую оно приняло в 1990-х годах. Влияние группировки значительно возросло, и она превратилась в один из главных источников беспокойства для безопасности в постсоветской Центральной Азии до начала американской военной кампании против талибов в Афганистане. Можно ли сегодня говорить о снижении исходящей от ИДУ «аль-каидовской» угрозы?

Корни джихадизма в Узбекистане

Чтобы понять эту угрозу, необходимо вернуться к трём её основным источникам, которыми являются социальное неравенство, возврат к религии и авторитарный режим постсоветского Узбекистана.

После получения Узбекистаном независимости, государственные услуги для граждан стали платными, а цены на предметы первой необходимости более не сдерживались правительством. Государственные служащие (так называемые бюджетники), работники сельского хозяйства, а также рабочие, задействованные в промышленности и строительстве, стали «новыми бедными» постсоветской эпохи¹². В то же время, росли состояния, сколоченные некоторыми «новыми узбеками», а параллельно им и влияние криминальных организаций¹³. Ситуацию усугубляли демографические проблемы, всегда существовавшие в этом регионе. В 1989 году в Узбекистане насчитывалось в три с половиной раза

¹² A. Ilkhamov, «Impoverishment of the Masses in the Transition Period: Signs of An emerging "New poor" Identity in Uzbekistan» [Обеднение масс в переходный период: признаки появления идентичности "новых бедных" в Узбекистане], *Central Asian Survey*, T. 20, №1, 2001, с. 34.

¹³ F. Heyat, «Re-Islamisation in Kyrgyzstan: Gender, New Poverty and the Moral» [Реисламизация в Киргизстане: гендеры, новая бедность и мораль], *Central Asian Survey*, T.23, №3-4, 2004, с. 280.

больше населения в возрасте 10-14 лет, чем 50-54 лет, что предвещало высокий уровень безработицы для новых поколений¹⁴.

Реакция «новых бедных» на сложившуюся ситуацию была обусловлена советским воспитанием: они отвергали новую систему, в которой не соблюдались принципы социального равенства и справедливости. В более широком смысле, их философия складывалась из смеси марксизма и исламской морали¹⁵. В этот же период, религия стала своего рода «социальной терапией» для молодёжи из малообеспеченных слоёв населения, помогавшая противостоять трудностям жизни в независимом Узбекистане¹⁶. Это напоминает распространённое мнение о том, что «вышедшая из городской бедноты молодёжь», первая жертва социального неравенства на Среднем Востоке, как и в любом другом месте, исторически являлась – и остаётся на сегодняшний день – одним из главных кадровых резервуаров для радикально настроенных групп¹⁷. Узбекский джихадизм, как и другие подобные движения до него, вербовал своих рядовых членов среди этих слоёв населения.

С распадом СССР начался процесс возрождения ислама. Большинство узбеков не стали набожными мусульманами в одночасье; для многих из них возвращение к исламу означало, прежде всего, внесение определённого порядка в постсоветский социальный хаос. Эта тенденция была также связана с ростом национализма, поскольку ислам составляет часть национальной культуры¹⁸. Для некоторых религия была привлекательной и в идеологическом плане. В это время, в особенности в Ферганской долине, и появились салафистские группы с революционными программами.

Салафизм уже имел глубокие корни в Центральной Азии¹⁹. С независимостью Узбекистана в узбекской части Ферганской долины появились группировки фундаменталистов. Они ставили своей целью восстановление порядка на улицах и регулирование цен на местных

¹⁴ M. Kaser, «The Economic and Social Impact of Systemic Transition in Central Asia and Azerbaijan» [Экономическое и социальное влияние системного перехода в Центральной Азии и Азербайджане], in M. Amineh, H. Houweling, *Central Eurasia in Global Politics. Conflict, Security and Development* [Центральная Евразия в глобальной политике. Конфликты, безопасность и развитие], Leiden, Boston, Brill, 2005, с. 146- 147, 153.

¹⁵ A. Ilkhamov, *op. cit.* [12], с. 33.

¹⁶ J. Nazpary, *Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan* [Постсоветский хаос: насилие и незаконное лишение собственности в Казахстане], London, Pluto Press, 2001.

¹⁷ G. Kepel, *Jihad, Expansion et déclin de l'islamisme* [Джихад, расцвет и упадок исламизма], Paris, Gallimard, 2000; N. Beau, C. Graciet, *Quand le Maroc sera islamiste* [Когда Марокко станет исламистским], Paris, La Découverte, 2007, с. 21-24, 29.

¹⁸ A. Khalid, *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia* [Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии], Los Angeles/London, University of California Press, 2007, с.118-119, 128.

¹⁹ S. Peyrouse, «The Rise of Political Islam in Soviet Central Asia» [Возникновение политического ислама в советской Центральной Азии], in H. Fradkin, H. Naqqani, E. Brown (ред.), *Current Trends in Islamist Ideology* [Текущие тенденции в исламистской идеологии], Т.5, с.40-54.

рынках. Именно таким образом в начале 1990-х годов приобрела известность группировка «Адолат» (Справедливость). Изначально исполняя функцию «народной милиции», она в скором времени попала под влияние программ исламистской направленности. Позже она вошла в качестве боевой силы в группировку «Ислам лашкарлари» (Воины ислама). Другая ветвь этого движения, отвечавшая за религиозную пропаганду, контролировалась Тахиром Юлдашевым, двадцатичетырёхлетним местным муллой, в скором времени ставшим одним из самых влиятельных салафистских лидеров в Ферганской долине. В этом же регионе существовали и другие исламистские группы, что в целом подпитывало общий революционный настрой. Напряжение возросло до предела, в то время как государство было неспособно установить контроль над регионом.

Салафисты, единственные обладавшие реальным авторитетом, вскоре продемонстрировали своё стремление взять власть: в декабре 1991 года они захватили местный штаб бывшей коммунистической партии в городе Наманган. Они хотели добиться от Ташкента провозглашения Исламской узбекской республики. Из Ферганской долины «Адолат» также попытался распространить свою деятельность на Ташкент. В феврале 1992 года, салафисты, объединившись с демократической оппозицией (партии «Эрк» и «Бирлик») и умеренными исламистами («Исламская партия возрождения Узбекистана»), пытались принудить Ислама Каримова к переговорам, одновременно развивая свои контакты за рубежом. Исламистские лидеры, со всей очевидностью, уже тогда разделявшие джихадистское мировоззрение, планировали силой захватить власть²⁰.

Внутренняя ситуация и рост напряжённости между бывшими коммунистами и оппозицией в Узбекистане продемонстрировали неспособность глав государств Центральной Азии обеспечить собственную безопасность. Отнюдь не являясь фантазией правительства, угроза гражданской войны была вполне реальной. Как и лидеры Ближнего Востока после деколонизации, главы центральноазиатских государств оказались в ситуации, когда власть могла быть захвачена или потеряна путём насилия. В таких условиях существование оппозиции воспринималось как угроза для самого существования политического режима и даже физической безопасности его лидеров. В Узбекистане усилилась тенденция к авторитаризму, уже проявившемуся в конце 1980-х годов в оппозиции И. Каримова по отношению к «перестройке». Узбекское правительство сделало ту же стратегическую ошибку, что и правительства Среднего Востока во второй половине XX века: жёсткие репрессии против умеренной религиозной или светской оппозиции привели к тому, что экстремизм остался единственной формой оппозиции. Когда ситуация

²⁰ V. Naumkin, *Radical Islam in Central Asia. Between Pen and Rifle* [Радикальный ислам в Центральной Азии. Между пером и ружьём], New York, Rowman and Littlefield, 2005, с.70.

в Ферганской долине вышла из-под контроля, И. Каримов решил прибегнуть к крайним мерам для восстановления полного порядка в республике. В январе 1992 года огневая стрельба была применена для подавления студенческих волнений в Ташкенте и разгона толпы. Демонстрации были вызваны введением талонов на продукты питания, но целью правительства было ясно дать понять, что авторитет власти и стабильность будут восстановлены любой ценой. Получило широкую известность высказывание узбекского президента в июле 1992 года: «Необходимо прочистить мозги сотне людей, чтобы сохранить жизни тысяч»²¹.

К 1993 году все оппозиционные группы были уничтожены, джихадисты скрывались в Таджикистане или были брошены в тюрьмы. Это создавало иллюзию стабильности в Узбекистане для международных наблюдателей. На самом же деле узбекские лидеры избрали тот же путь, что и режимы Среднего Востока до них: стабильность в краткосрочной перспективе, полученная путём массовых репрессий, влечёт за собой риск радикализации.

Рост угрозы ИДУ в период до 11 сентября 2001 года

Можно утверждать, что в Узбекистане в 1990-х годах сложилась ситуация, способствующая развитию радикализма, но при этом необходимо более чётко определить тип исходившей от него угрозы как исламско-националистической или «аль-каидовской».

В некотором смысле, породивший ИДУ джихадизм носил скорее исламо-националистический характер. Ни военный лидер движения Джума Намангани, ни его сторонники, не имели чёткого идеологического подхода и ставили перед собой единственную цель – избавиться от И. Каримова. Узбекским исламистам, в частности ИДУ, приписываются совершённые во второй половине 1990-х годов акции, среди которых несколько убийств в 1997 году и крупный теракт в Ташкенте 16 февраля 1999 года²². Необходимо отметить, что все эти действия, ответственность за которые не может быть с уверенностью возложена на какую-либо конкретную организацию, были направлены против представителей государственной власти. Более того, существуют данные о том, что некоторые исламистские лидеры стремились к переговорам с Ташкентом с целью добиться признания своего движения как составной части открытого политического процесса. По словам самого Т. Юлдашева, его сторонники были вынуждены вести войну против узбекского правительства только

²¹ Human Rights Watch, «'Straightening Out the Brains of One Hundred': Discriminatory Political Dismissals in Uzbekistan» [«Прочистить мозги одной сотне»: дискриминационные политические увольнения в Узбекистане], *Helsinki Watch*, апрель 1993.

²² С. Poujol, *L'Islam en Asie Centrale. Vers une nouvelle donne* [Ислам в Центральной Азии. Новый курс], Paris, Ellipses, 2001, с. 54-55.

потому, что И. Каримов не допускал реальных политических дискуссий в республике²³.

Вскоре, однако, стало очевидным, что правительство не пойдёт на компромисс. Мирный процесс между правительством и оппозицией в соседнем Таджикистане в 1997 году усилил тенденцию узбекской власти к авторитаризму, поскольку был воспринят правительством Каримова как опасный прецедент, продемонстрировавший, что оппозиция могла утвердиться как сила, с которой придется считаться. Ещё более усугубил это восприятие захват талибами в сентябре 1996 года столицы Афганистана, другого соседнего с Узбекистаном государства. Эта ситуация была воспринята в Узбекистане как угрожающая жизненным интересам страны. В 1997 году узбекские военные усилили контроль на границах, особенно с Афганистаном. В том же году Ташкент начал региональную войну с исламистами. Врагом государства был объявлен всякий, на кого падает подозрение в оказании поддержки исламистам. В действиях против Таджикистана, остающегося источником беспокойства, Узбекистан прибегнул к услугам таджикского полевого командира Махмуда Худойбердыева, который организовал вооруженные восстания в феврале 1996, августе 1997 и ноябре 1998 годов²⁴. Кроме того, И. Каримов оказал поддержку направленной против талибов кампании афганца узбекского происхождения Рашида Достума²⁵. Силы безопасности Узбекистана развернули широкие действия против исламистов и нерелигиозной оппозиции в соседних странах, подчас даже не ставя в известность руководство этих стран²⁶.

Таким образом, исламистская оппозиция, покинувшая Узбекистан после 1992 года, подверглась преследованиям даже в изгнании. Создался своего рода порочный круг, в котором ни узбекское правительство, ни его оппозиция, не могли чувствовать себя в безопасности до полного уничтожения друг друга. Важным фактором, способствовавшим росту экстремистских настроений в Узбекистане, стали также жёсткие внутренние репрессии. После организованных убийств 1997 года стало ясно, что полицейская «охота на ведьм», отслеживающая малейшую исламистскую угрозу, распространяется на всех без исключения практикующих мусульман. Точно так же как это случилось раньше на Среднем Востоке, казалось, что репрессии приносят свои плоды. На самом же деле они лишь

²³ BBC, *Summary of World Broadcasts* [Обзор мировых выпусков], SU/3831 G/4, 4 мая 2000. Из интервью для *Голоса Исламской республики Иран*, Мешхед, 1 мая 2000.

²⁴ L. Jonson, *Tajikistan in the New Central Asia. Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam* [Таджикистан в новой Центральной Азии. Геополитика, соперничество великих держав и радикальный исламизм], I.B. Tauris, 2006, p.48.

²⁵ M. Fredholm, «Uzbekistan and the Threat from Islamic Extremism» [Узбекистан и угроза, исходящая от исламского экстремизма], Conflict Studies Research Centre, Defence Academy of the United Kingdom, K39, март 2003, с. 2.

²⁶ A. Polat, «Central Asian Security Forces Against their Dissidents in Exile» [Центральноазиатские силы безопасности против своих диссидентов в изгнании], in R. Z. Sagdeev, S. Eisenhower (ред.), *Central Asia: Conflict, Resolution, Change* [Центральная Азия: конфликты, решения, перемены], Chevy Chase, Md., The Center for Political and Strategic Studies, the Eisenhower Institute, 1995.

подогревали экстремизм среди населения и подталкивали его на путь ИДУ.

Этот путь со всей очевидностью начал принимать экстремистский характер, выходя за пределы классической исламо-националистической борьбы. Оказавшись в изгнании, Т. Юлдашев принялся искать внешнюю опору для продолжения своей борьбы. Он развивал связи с экстремистскими движениями и службами внешней разведки Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана, Турции и Объединённых Арабских Эмиратов²⁷. Он получал средства от знаменитой пакистанской межведомственной разведки (ИСИ)²⁸. Т. Юлдашев был не единственным центральноазиатским исламистом в Пакистане в 1990-х годах. В медресе пакистанской группировки «Джамиат-и-улема», оказывавшей значительную поддержку талибам, насчитывалось несколько сотен исламистов²⁹. В основном это были узбеки и таджики, но встречались также уйгуры, казахи и киргизы. Во время своего пребывания в Пешаваре с 1995 по 1998 годы, Т. Юлдашев налаживал контакты с афганскими и афгано-арабскими исламистскими группами, а также с самим Усамой бин Ладеном³⁰. Необходимость финансирования обуславливала сильную зависимость ИДУ от экстремистских внешних воздействий: известно, что «Джамиат-и-улема» и ИСИ оказывали ему финансовую поддержку³¹.

Одновременно с созданием Т. Юлдашевым сети контактов, вокруг Джумы Намангани организовывалась многонациональная группа. Она объединяла узбеков и других выходцев из Центральной Азии, а также арабских моджахедов из Афганистана и Чечни. Хотя узбеки составляли большинство группировки, её ориентированные на джихад цели выходили за национальные рамки. Именно поэтому её лидеры приняли решение об участии в дестабилизирующей постсоветский режим войне в Таджикистане. В этом конфликте узбекские исламисты были настроены весьма воинственно, сопротивляясь любой форме примирения с таджикским правительством. Они отвергли националистический подход таджиков, ставших на сторону Ахмада Шаха Масуда, в то время как Т. Юлдашев и Д. Намангани поддерживали талибов. Эти расхождения во взглядах подтолкнули их к созданию в 1996 году собственной структуры – «Исламского движения Узбекистана». В новую группировку вошли не только узбеки, а её борьба преследовала региональные цели не в меньшей степени, чем национальные³². В 2001 году даже начали распространяться слухи о том, что ИДУ изменило своё название на

²⁷ См. P. Mann, «Islamic Movement of Uzbekistan: Will it Strike Back?» [Исламское движение Узбекистан: новый подъём?], *Strategic Analysis*, vol. 26, №2, апрель 2002, с.236.

²⁸ V. Naumkin, *op. cit.* [20], с.71.

²⁹ Мусульманское учебное заведение.

³⁰ A. Rashid, *Jihad* [Джихад], New Haven, Yale University Press, 2002, с.140.

³¹ *Ibid.*

³² В её рядах встречаются другие выходцы из Центральной Азии, а также уйгуры.

Исламскую партию Туркестана (ИПТ)³³. Эти слухи были настолько убедительными, что религиозному главе движения Зубаиру ибн Абдул Рахиму пришлось дать интервью радио «Свободная Европа», чтобы их опровергнуть³⁴.

ИДУ вскоре наглядно продемонстрировало угрозу, которую оно представляло для всех государств Центральной Азии в силу своих транснациональных состава и стратегии. Летом 1999 года группировка начала военные действия. С территории Таджикистана она атаковала Киргизстан. Ей удалось устоять против местной армии и даже захватить заложников, японских геологов, для освобождения которых, по утверждениям западных источников, правительство Японии выплатило от 2 до 6 миллионов долларов США³⁵. По-видимому, Т. Юлдашев хотел использовать японских заложников, чтобы вынудить узбекское правительство пойти на переговоры по политическому соглашению, но Д. Намангани воспротивился этому, предпочтя борьбу на смерть и выкуп за заложников³⁶. Кампания 1999 года положила конец внутренней борьбе за власть, в которой верх одержал Д. Намангани как главный организатор военного направления. Этим объясняется избранная в том же году стратегия. По свидетельствам некоторых киргизских официальных лиц, ИДУ могло бы с лёгкостью атаковать в Узбекистане³⁷. Но его долгосрочная цель требовала другого подхода. Стремясь добиться полной победы над узбекским правительством, руководители движения не спешили заключать мирный договор. Чтобы платить боевикам и закупать оружие, Д. Намангани требовались деньги. Поэтому его главной задачей в долгосрочной перспективе была защита своих финансовых источников, то есть наркоторговли, организацию которой он начал в 1997 году. В 1999 году киргизские органы правопорядка установили контроль над маршрутами наркоторговли внутри страны, что нанесло серьёзный экономический удар по ИДУ, до этого контролировавшего до 70% наркотрафика на территории Киргизстана³⁸.

Помимо этого, Д. Намангани наметил две цели регионального уровня. Во-первых, оказание давления на местные правительства, подталкивая их к совершению ошибок и, как следствие, к подрыву сотрудничества между ними³⁹. Во-вторых, создание плацдарма в Ферганской долине и организация там «спящих» ячеек. Стратегия ИДУ сработала и превратила эту организацию в военную угрозу для всех режимов стран Центральной Азии. В августе-сентябре 2000 года ИДУ

³³ См. R. Yakemtchouk, *Ouzbékistan, puissance émergente en Asie Centrale* [Узбекистан, нарождающаяся сила в Центральной Азии], Paris: L'Harmattan, 2003, с.156.

³⁴ A. Rashid, *op. cit.* [30], с. 180-181.

³⁵ См. M. Crosston, *Fostering Fundamentalism: Terrorism, Democracy, and American Engagement in Central Asia* [Поощрение фундаментализма: терроризм, демократия и американская политика в Центральной Азии], Aldershot: Ashgate, 2006, с.46.

³⁶ V. V. Naumkin, *op. cit.* [20], с. 92.

³⁷ *Ibid.*, с. 91.

³⁸ S. Cornell, R. A. Spector, «Central Asia: More than Islamic Extremists» [Центральная Азия: нечто большее, чем исламский экстремизм], *Washington Quaterly*, зима 2002, с. 197.

³⁹ A. Rashid, *op. cit.* [30], с. 154.

нанёс новый удар на юге Киргизстана и смог вплотную приблизиться к Ташкенту. В июле 2001 года нападению подверглись районы Баткена в Киргизстане и Сурхандарьи в Узбекистане⁴⁰. Одновременно с этими атаками ИДУ направило 600 своих членов на помощь талибам в войне с Северным Альянсом, что свидетельствует о степени организованности движения, способного вести боевые действия на два фронта.

Идеология ИДУ в большей степени сближает его с Аль-Каидой, чем с таджикским исламским национализмом. Существуют доказательства того, что узбекский режим был не единственной мишенью ИДУ. Его действия были направлены также против США, России, христиан в целом, а также евреев⁴¹. Воины джихада ИДУ считают себя авангардом, отличающимся от массы населения, сравнимого, по их мнению, с овечьим стадом⁴². В этом авангарде культ личности Д. Намангани сравним с культом личности бин Ладена в некоторых других исламистских объединениях.

Положение ИДУ ещё более укрепилось под воздействием талибов и Аль-Каиды. Афганский опыт сделал движение ещё более интернациональным. Талибы направили под командование движения уйгурских и пакистанских исламистов, что было способом избежать проблем в отношениях с Пекином и Исламабадом. Список врагов ИДУ увеличивается с участием его боевиков в борьбе за господство талибов в Афганистане и с попытками движения завербовать афганских узбеков на борьбу от имени муллы Омара⁴³. Движение всё более и более стало разделять «аль-каидовское» мышление Усамы бин Ладена и других идеологов глобального джихада, таких как Абу Мусаб аль-Сури, к которым оно демонстрировало живой интерес. Преподававший в тренировочных лагерях ИДУ Абу Мусаб аль-Сури считал деятельность центральноазиатских исламистов ключевой в глобальном джихаде⁴⁴.

Таким образом, по всей видимости, выбор ориентации ИДУ был сделан ещё до 11 сентября 2001 года. Несмотря на национальную риторику, его цели вышли далеко за пределы победы в одной стране.

ИДУ после поражения талибов

Американская военная кампания против афганского эмирата началась 7 октября 2001 года. Она нанесла удар не только по талибам, но и по

⁴⁰ Узбекистан попытался скрыть эту последнюю атаку, заявив, что это были военные тренировки.

⁴¹ M. B. Olcott, V. Babajanov, «The Terrorist Notebooks» [Блокноты террористов], *Foreign Policy*, апрель 2003, с. 37-38.

⁴² V. Naumkin, *op. cit.* [20], с. 103.

⁴³ R. Johnson, *Oil, Islam, and Conflict. Central Asia Since 1945* [Нефть, ислам и конфликты. Центральная Азия с 1945 года], University of Chicago Press, 2007, с. 132.

⁴⁴ B. Lia, *Architect of Global Jihad* [Архитектор глобального джихада], Columbia University Press, 2008, с. 262.

ИДУ, оставшемуся без убежища, без тренировочных лагерей и без военного лидера, убитого в сражении в ноябре 2001 года. Руководимые Т. Юлдашевым узбекские джихадисты бежали в Пакистан, на территории проживания пуштунских племён, где попытались восстановить свою организацию.

Можно было бы предположить, что Т. Юлдашев попытается придать движению исламо-националистическую ориентацию. Ведь именно он в своё время заявлял о стремлении к политическому соглашению с узбекским руководством. Однако, судя по всему, сам Т. Юлдашев к этому моменту уже обратился к глобальному джихаду, даже если предположить, что он вообще когда-либо был сторонником примирения. В Ферганской долине распространяются видеозаписи, в которых Т. Юлдашев заявляет: «Исламское движение Узбекистана раньше боролось с одним лишь Каримовым. Теперь – нет. Мы будем воевать со всеми врагами ислама во всем мире. [...] Джихад – это единственный способ борьбы с иудеями и христианами, унижающими ислам»⁴⁵. Таким образом, риторика ИДУ сейчас полностью соответствует «аль-каидовским» взглядам. В марте 2007 года Т. Юлдашев заявил о том, что главные бои ведутся сейчас в Ираке и в Афганистане. Кроме того, ИДУ начинает применять «аль-каидовские» методы борьбы. Если найденные в 1990-х годах документы свидетельствуют о том, что в джихадистских лагерях Ферганской долины боевики ИДУ изучали в основном методы предотвращения опасности, а проведение акций смертников не входило в программу, то теперь Т. Юлдашев снаряжает узбеков на смертельные атаки против иностранных войск в Афганистане, а американцы безоговорочно воспринимаются в качестве главных врагов⁴⁶.

Подобная переориентация ИДУ по «аль-каидовскому» типу имеет две оговорки. Прежде всего, движение продолжает отдавать предпочтение региональной борьбе против постсоветских режимов в Центральной Азии, особенно в Киргизстане, Узбекистане и Таджикистане, о чём свидетельствует выступление Т. Юлдашева в честь пятой годовщины событий 11 сентября. Несмотря на организацию акций смертников в Афганистане, Т. Юлдашев не согласился направить свои основные силы в эту зону. Во-вторых, даже выступая против «далёкого врага», он продолжает преследовать цели борьбы против «близкого врага» на региональном уровне, то есть в «Большой Центральной Азии», в частности, в Пакистане. Можно предположить, что подобная стратегия выбрана из прагматических соображений: участие в войне в Пакистане менее опасно, чем в Афганистане и при этом открывает доступ к новому укрытию. Это приводит к вопросу о том, остаётся ли ИДУ реальной угрозой Узбекистану и другим республикам Центральной Азии?

⁴⁵ Агентство новостей «Фергана.ру», «Тахир Юлдаш: крах США близок, ждите нас в Вашингтоне», 15 октября 2007, статья доступна по адресу: <www.ferghana.ru/article.php?id=5403>.

⁴⁶ A. Sidikov, «Pakistan Blames IMU Militants for Afghan Border Unrest» [Пакистан обвиняет боевиков ИДУ в беспорядках на афганской границе], *RFE/RL*, 2 июля 2008.

При нынешнем положении вещей, движение вряд ли может быть реальным источником угрозы. В январе 2006 года сам Т. Юлдашев отверг павшие на него подозрения в организации такой крупной акции, как беспорядки в Андижане в 2005 году. По его словам, члены ИДУ не прячутся за спинами женщин и детей. Но в действительности, после американской кампании группировка Т. Юлдашева оказалась просто не в состоянии организовать какую-либо серьёзную акцию⁴⁷. Однако, было бы ошибкой полностью сбрасывать её со счетов безопасности. Несомненно потеряв ту мощь, которой оно владело под командованием Д. Намангани, ИДУ остаётся достаточно сильной организацией.

Нынешний лидер ИДУ, со всей очевидностью, потерял доверие значительного числа рядовых членов движения. Множеству узбеков, пришедших в Афганистан со своими семьями, пришлось проститься с иллюзиями. Они не принимали диктаторскую установку Т. Юлдашева. Они не могли понять, почему борьба за Узбекистан так затянулась, и почему их заставляют воевать против Северного Альянса. Смерть Д. Намангани и победа американцев над талибами в конце 2001 года, по всей видимости, вызвала глубокое разочарование у значительной части группы. С 2001 года по меньшей мере 600 членов группы и их семьи покинули движение и нашли пристанище в Афганистане, пакистанском Пешаваре, Иране и Турции. Однако Т. Юлдашев всё ещё располагает несколькими сотнями боевиков под своим командованием и продолжает набирать добровольцев из Центральной Азии. Группировка продолжает участвовать в наркотрафике, регулярно получает поставки наркотиков и способна закупить оружие и боеприпасы, в основном российского производства⁴⁸. Таким образом, хотя и потерявшая былую силу, организация всё же далека от распада.

Нынешнее укрытие ИДУ менее надёжно, чем афганский «эмират» муллы Омара, но остаётся безопасным, поскольку позиции движения там достаточно сильны, чтобы защитить себя от внешнего нападения. В конце 2003 года ИДУ пришлось вступить в войну против пакистанской армии в Южном Вазиристане, после чего эта группировка стала восприниматься Исламабадом как реальная угроза⁴⁹. В марте-апреле 2007 года ИДУ вступило в конфликт с местными племенами и талибами. Столкновение было вызвано внутренней напряжённостью в движении неоталибов и тем фактом, что узбекские джихадисты, ревностно преследуя свои направленные против Пакистана цели, выступили против старейшин, стремившихся к налаживанию отношений с правительством. Проблемы возникли именно из-за чрезмерности действий ИДУ против пакистанского правительства во имя «аль-каидовской» войны с Исламабадом, не

⁴⁷ Агентство новостей «Фергана.ру», *op. cit.* [45].

⁴⁸ И. Мирсайтов, А. Саипов, «Бывшие соратники Тахира Юлдашева рассказывают о том, что такое "Исламское движение Узбекистана" сегодня», 16 апреля 2006, «Фергана.ру», статья доступна по адресу: <www.ferghana.ru/article.php?id=4348>.

⁴⁹ A. Sidikov, *op. cit.* [46].

всегда поддерживаемой неоталибскими союзниками. По некоторым, возможно преувеличенным, данным, в этом конфликте ИДУ потеряло от 100 до 200 человек⁵⁰. Независимые источники оценивают общие потери среди пакистанцев и узбеков в 50 человек⁵¹. Несомненно, ИДУ потерпело поражение, но это поражение ему было нанесено не пакистанской армией, а бывшим союзником – неоталибом, сражавшимся с Коалицией в Афганистане. Лидер Вана Мулла Назир лишь отчасти согласился сотрудничать с правительством в решении этого вопроса. Он не позволил соседним племенам предоставить узбекам свои территории для проведения карательных операций, но при этом ясно дал понять, что не будет преследовать их после того, как они покинут Вану, и не пытался полностью уничтожить их во время военного столкновения. Узбекские джихадисты смогли покинуть регион города Вана относительно невредимыми благодаря вмешательству руководства афганских талибов. Хотя в принятом узбеками мирном соглашении им и было предложено отправиться в Афганистан, на территорию неоталибов, не вызывает сомнений тот факт, что их не принуждали к этому. В результате, они переместились на другие территории Северного и Южного Вазиристана⁵². Как союзники лидера пакистанских талибов Байтуллы Месхуда, узбекские джихадисты не могут отказаться от борьбы против пакистанского режима. Таким образом, в 2008 году они являются важной составляющей сил, сражающихся против пакистанской армии⁵³.

⁵⁰ Эти цифры дают основные англоязычные СМИ. См. G. Witte и K. Khan, «Pakistan Officials Applaud Fighting in Tribal Region», *Washington Post*, 23 Марта 2007, с. A13 ; D. Montero, «Pakistan's Embattled President Touts Gain in War on Terrorism» [Прижатый к стенке президент Пакистана приветствует прогресс в войне против терроризма], *Christian Science Monitor*, 23 марта 2008, <www.csmonitor.com>.

⁵¹ См. R. Yusufzai, «Eviction or Safe Passage?» [Выселение или беспрепятственный выезд?], *Newsline*, май 2007, <www.newsline.com.pk>.

⁵² *Ibid.*

⁵³ G. Steinberg, «A Turkish Al-Qaeda: The Islamic Jihad Union and the Internationalization of Uzbek Jihadism» [Турецкая Аль-Каида: Исламский союз джихада и интернационализация узбекского джихадизма], *Strategic Insight*, Center for Contemporary Conflict, Июль 2008, с. 7, <www.ccc.nps.navy.mil>.

После падения афганского эмирата: узбекский джихад без лидера

Если ИДУ и остаётся потенциальной угрозой, он уже не представляет непосредственной опасности, как это было в прошлом. Анализ деятельности террористических группировок до 11 сентября 2001 года должен рассеять все попытки представить ИДУ как «центральноазиатскую Аль-Каиду». Однако, как и Аль-Каиду, ИДУ следует рассматривать как движение, выходящее за рамки вертикальной организации: его последователи, даже отказавшись поддерживать Юлдашева, могут участвовать в джихаде против Ислама Каримова. Могут также сохраняться связи между группировками, базирующимися в Вазиристане или на других пуштунских территориях Пакистана, и местными «спящими» ячейками, созданными Д. Намангани в конце 1990-х годов.

Наконец, другие группировки, не обязательно связанные с моджахедами ИДУ, могут вдохновиться их методами и идеологией. «Ядро» ИДУ поддерживает связи с бывшими боевиками этого движения, и также другими джихадистами Узбекистана, Центральной Азии и «Большой Центральной Азии», разделяющими их идею. Эти факторы превращают движение в обширную сеть, ставящую целью борьбу против режима Узбекистана, центральноазиатских режимов и, всё в большей мере, режимов всей «Большой Центральной Азии».

Внутренний раскол и зарождение центральноазиатской Аль-Каиды

Как было показано выше, Т. Юлдашеву не удалось сохранить единство среди узбекских джихадистов. В 2002 году некоторые из них вышли из ИДУ и создали «Исламский союз джихада» (ИСД) или «Исламскую группу джихада»⁵⁴. Говорит ли это о новой исламистской угрозе в Центральной Азии? Некоторые аналитики выражают сомнения относительно существования ИСД, поскольку секретные службы Центральной Азии не единожды создавали ложные угрозы⁵⁵.

⁵⁴ *Ibid.* с. 3.

⁵⁵ С. Murray, «The Mysterious Islamic Jihad Union» [Загадочный Исламский союз джихада], 8 сентября 2007, <www.craigmurray.co.uk>. См. также С. Murray, *Murder in Samarkand* [Убийство в Самарканде], Londres: Mainstream Publishing, 2006.

Но в этом случае угроза кажется реальной и выходящей за пределы центральноазиатской территории.

Известно, что ИСД базируется в Северном Вазиристане и располагает там тренировочными лагерями, не подчиняющимися официальному контролю ИДУ⁵⁶. Чтобы обосноваться на этой территории, ИСД заключил союз с наиболее влиятельной в регионе группировкой неоталибов – сетью Хаккани. Напомним, что именно эта афганская группировка резко выступила против атак на Тахира Юлдашева в Ване⁵⁷. Она также близка с Аль-Каидой и переняла её методы борьбы – атаки смертников и использование самодельных взрывных устройств. ИДУ и ИСД союзничают с группировкой бин Ладена. Т. Юлдашев, по крайней мере частично, является идеологическим последователем линии Аль-Каиды. Существуют доказательства того, что ИСД также связан с этой организацией. Так, для производства пропагандистских видеозаписей (например, записи атаки смертника-уроженца Германии Кюнейта Кифтчи в афганской провинции Хост), он прибегал к услугам принадлежащей Аль-Каиде студии «Ас-Сахаб»⁵⁸.

Существует мнение о том, что Аль-Каида проявляет особый интерес к центральноазиатским джихадистам. Некоторые аналитики утверждают даже, что с 2006 года потери в рядах Аль-Каиды восстанавливаются за счёт молодых добровольцев из Центральной Азии⁵⁹. Идея вербовки выходцев из Центральной Азии, в том числе и детей, через каналы ИДУ и ИСД кажется правдоподобной. Выходцы из Центральной Азии и других регионов работают на Аль-Каиду в Афганистане, а пропагандистские видеоматериалы свидетельствуют о том, что ИДУ тренирует и отправляет на военные действия одиннадцатилетних подростков⁶⁰. Такого рода вербовка может служить фактором, укрепляющим связи между узбекскими джихадистами и их неоталибскими и аль-каидовскими союзниками. Таким образом, даже если между ИДУ и ИСД могут существовать расхождения во взглядах на то, каким должно быть руководство узбекским джихадом, похоже, что в их отношениях нет враждебности, они имеют общих союзников и общих врагов: США, Коалиция в Афганистане, правительство Карзая, а также режимы «Большой Центральной Азии».

⁵⁶ R. Sandee, «The Islamic Jihad Union» [Исламский союз джихада], the NEFA Foundation, 14 октября 2008, <www.nefafoundation.org>.

⁵⁷ I. Ali, «The Haqqani Network and Cross-Border Terrorism in Afghanistan» [Сеть Хаккани и трансграничный терроризм в Афганистане], *Terrorism Monitor*, Т. 6, №6, 24 марта 2008, Jamestown Foundation.

⁵⁸ B. de Cordier, «The Islamic Movement of Uzbekistan and the Islamic Jihad Union: A Jihadi Nebulous in Central Asia and the EU» [Исламское движение Узбекистана и Исламский союз джихада: джихад в Средней Азии и ЕС], <www.caucas.com>, 2 июля 2008.

⁵⁹ CBS News, «Al Qaeda Expanding Recruitment of Children» [Аль-Каида всё чаще вербует детей], 4 июля 2008, <cbs4.com>.

⁶⁰ R. Sandee, *op. cit.* [56], с. 12.

ИСД взял на себя ответственность за многие акции, весьма напоминающие стиль Аль-Каиды: использование террористов-смертников, вкус к зрелищным атакам для рекламирования своей группы и привлечения новобранцев, значение, придаваемое пропаганде в стиле бин Ладена, а также понимание джихада на региональном и даже международном уровне.

Например, эта группировка взяла на себя ответственность за первые теракты смертников в Центральной Азии (март-апрель 2004) и за первую прямую атаку против символов «далёкого врага» Аль-Каиды, – Запада, и в частности США и Израиля (июль 2004). Согласно многим отчётам и по свидетельству бывшего главы службы контрразведки ИДУ Шурата Мосирахунова, боевики ИСД участвовали в событиях в Андижане в мае 2005 года⁶¹. В ноябре 2006 года арест пакистанской ячейки ИСД предотвратил реализацию плана нанесения ракетных ударов по правительственным зданиям Исламабада с целью наказать Пакистан за его поддержку США. С сентября 2007 года группировкой проводилась крупная рекламная кампания, в особенности на турецких сайтах, пропагандирующих джихад. Руководят союзом узбеки, но организация носит явно интернациональный характер в истинно «аль-каидовском» духе. Подтверждением этому стал арест в сентябре 2007 года в немецком городе Сауерланде троих членов организации. Вместе с другими членами ИСД они готовились к проведению терактов во время обсуждения в Бундестаге присутствия немецких войск в Афганистане. Детали заговора не могут не пугать: трое задержанных были не узбеками, а обращёнными в ислам немцами и родившимися в Германии турками. Они прошли обучение в тренировочных лагерях ИСД пуштунской зоны и затем были переправлены обратно в Германию в качестве квалифицированных агентов. Им удалось добыть 730 кг 30-процентной перекиси водорода и детонаторы, необходимые для организации мощных атак⁶².

ИСД взял на себя ответственность за эти готовившиеся теракты и предупредил, что подобного рода планы разрабатываются повсеместно. Даже если их реальность нуждается в подтверждении, установленным фактом является то, что отколовшаяся от ИДУ ячейка в настоящее время готовит выходцев из Центральной Азии, Пакистана, Афганистана и Европы (особенно этнических турков и принявших ислам немцев) к организации атак смертников в Афганистане. Поэтому, нельзя не рассматривать ИСД как возможную угрозу джихада в «Большой Центральной Азии» и в Европе. Судя по всему, эта узбекская группировка укрепила «аль-каидовский» профиль существовавшего до 11 сентября ИДУ, продолжая следовать пути, избранному скорее Д. Намангани, чем Т. Юлдашевым, и поддерживая

⁶¹ И. Мирсайтов, А. Саипов, *op. cit.* [48].

⁶² Y. Musharbash, M. Gebauer, «Islamic Jihad Union Threatens Attacks Outside Germany» [Исламский союз джихада угрожает атаками за пределами Германии], *Der Spiegel*, 9 декабря 2007.

некоторые отношения в Центральной Азии, нейтральные с «ядром» ИДУ и хорошие с Аль-Каидой и неоталибской сетью.

Напрашивается вопрос: если ИСД и ИДУ сохранили одних и тех же союзников и одни и те же взгляды, то почему между ними произошёл раскол? Трудно согласиться с объяснением, указывающим на то, что цели ИДУ никогда не выходили за рамки исламо-националистических⁶³. Как было показано выше, ИДУ уже со второй половины 1990-х годов приняло «аль-каидовскую» идеологию и продолжает придерживаться её. Можно отметить две возможные причины раскола:

– Структурная причина, связанная с руководством и финансированием ИДУ. Даже в Аль-Каиде финансовый вопрос всегда стоит остро и может вызвать напряжённость между членами группировки⁶⁴. Д. Намангани получал необходимые для ИДУ средства при помощи наркоторговли. После его смерти и потери Афганистана, ИДУ утратил значительную часть своих доходов. Эта потеря не могла не ослабить руководство организацией. Тахир Юлдашев фактически был лишь вторым в руководстве к концу 1990-х годов, менее харизматичным нежели Намангани и поэтому менее влиятельным среди рядовых членов. Как было показано выше, он вызвал явное разочарование многих членов. В такой ситуации внутренний раскол или переворот были лишь вопросом времени.

– Тем не менее произошедший раскол не может объясняться одними лишь структурными причинами. Лучший способ вербовки сторонников для новой организации – показать, что раскол носит идеологический характер. В некоторой мере так оно и произошло: резюмируя, можно сказать, что различия между двумя группировками в меньшей степени касались идеологического выбора (обе выбрали «аль-каидовский» подход), чем того, насколько радикальным и бескомпромиссным должен быть этот идеологический выбор. Действительно, и ИДУ, и ИСД имеют интернациональный и джихадистский характер. Разница между ними заключается в том, что интересы ИДУ продолжают касаться «Большой Центральной Азии», в особенности трёх стран Ферганской долины. ИДУ, хотя и поддержав талибов, выступало скорее против Исламабада, нежели Кабула. Чтобы понять это различие, можно провести сравнение с другими джихадистскими группировками. ИДУ напоминает группировки в странах исламского Магриба: они сближаются с Аль-Каидой по мере своих поражений в национальных и региональных войнах, но их программа не выходит за рамки локальной и ограничивается региональными вопросами. В силу этих причин, ИДУ лишь частично представляет собой угрозу «аль-каидовского» типа⁶⁵.

⁶³ Эта одна из основных идей Гидо Штайнберга.

⁶⁴ F. Gerges, *The Far Enemy* [Далекий враг], Columbia University Press, 2005, с. 124.

⁶⁵ M. Guidère, *Al Qaida à la conquête du Maghreb* [Постепенное завоевание Магриба Аль-Каидой], Monaco, éditions du Rocher, 2007, с. 131.

ИСД, как и «центральная» Аль-Каида, ставит перед собой гораздо более широкие цели. В его действиях прослеживается интернационализм. Похоже, что ИСД стремится стать Аль-Каидой «Большой Центральной Азии», базирующейся в регионе Великого шёлкового пути, так же как настоящая Аль-Каида со своей глобальной программой изначально была связана с арабским миром. Обе организации имеют одних и тех же врагов: Запад в широком смысле и особенно США, а также местные режимы в мусульманском мире. Выходя за рамки амбиций ИДУ, они жаждут нанести удары повсюду, превращая вопрос безопасности Центральной Азии в международный.

Джихад без руководителя в Ферганской долине

Необходимо отметить, что исходящая от ИДУ и ИСД угроза даже в географическом плане сместилась по отношению к первоначальной зоне её распространения. Их централизованные структуры вынуждены были искать безопасное укрытие в регионах, расположенных далеко от постсоветских государств Центральной Азии. Это снизило их потенциальную возможность наносить удары по местным режимам по сравнению с концом 1990-х годов. Однако не только эти вертикально организованные структуры, каковыми являлись террористические группировки до возникновения Аль-Каиды, представляют угрозу «аль-каидовского» типа. Она исходит также от сетевых структур, составленных из более или менее независимых ячеек и мелких групп, разделяющих общую идеологию, но не имеющих строгой иерархии. Именно такой тип организации позволяет Аль-Каиде продолжать существовать, несмотря на многочисленные удары, нанесённые ей США и их союзниками после 11 сентября 2001 года.

Узбекский джихад в Ферганской долине продолжает существовать благодаря такому же типу организации. Во-первых, судя по всему, ИСД является не столько традиционно организованной группой, сколько сетью многочисленных мелких группировок, способных координировать свои действия⁶⁶. Можно смело утверждать, что локальные ячейки, созданные Д. Намангани в конце 1990-х годов, не исчезли с падением талибов, но стали ещё более автономными и использовали все имевшиеся в их распоряжении средства для продолжения борьбы. Они быстро восстановились после тяжёлого удара, вызванного потерей афганского укрытия, и осуществили первую атаку на Киргизстан, остающийся «мягким подбрюшьем» в системе безопасности Центральной Азии. Борис Полетков, заместитель руководителя киргизской национальной службы безопасности, обвинил их в организации взрыва на крупнейшем вещевом рынке Бишкека в декабре 2002 года. Их также

⁶⁶ С. Moore, «Uzbek Terror Networks: Germany, Jamoat and the IJU» [Узбекские террористические сети: Германия, джамаат и ИСД], *Terrorism Monitor*, Т.5, №21, 8 ноября 2007.

обвинили в планировании убийства 19 китайцев в марте 2003 года и двух взрывов в Оше в мае 2003. По некоторым сведениям, для проведения атак им была оказана помощь «Исламским движением Восточного Туркестана»⁶⁷.

Некоторые теракты стали ярким свидетельством тому, как война с терроризмом повлияла на превращение США в главного «далёкого врага». В ноябре 2003 года в Киргизстане были задержаны трое джихадистов, планировавших заложить бомбу на использовавшейся во время войны в Афганистане военно-воздушной базе США «Ганси» в аэропорту Манас. Бомбы смертников – визитная карточка Аль-Каиды – также применялись в серии терактов, проведённых в течение пяти дней в марте 2004 года. Атакующие тщательно избегали гражданских жертв в этих атаках, направленных исключительно против сил полиции, что явно свидетельствует о стремлении привлечь на свою сторону общественное мнение. В июле 2004 года атакам смертников подверглись посольства Израиля и США. Хотя ИСД и взял на себя ответственность за эти действия⁶⁸, можно предположить, что они были организованы либо «спящими» ячейками, либо индивидуальными радикалистами на местах, при тактической поддержке ИСД⁶⁹. Отсюда можно сделать вывод либо о сохраняющихся тесных связях между узбекскими джихадистами, базирующимися в Вазиристане и Ферганской долине, либо о большей, чем предполагалось, радикализации местных ячеек.

Необходимо отметить, что такого типа в большей или меньшей степени лишённый руководства джихад существует не только в Узбекистане. Его проявления наблюдались в 2006 году также и в Таджикистане и Киргизстане. В частности, в мае 2006 года был произведён теракт на границе между Киргизстаном и Таджикистаном. Судя по всему, эти действия были предприняты местными последователями ИДУ или бывшими членами этого движения. По мнению официальных лиц Таджикистана и Киргизстана, они явились результатом жёсткого подавления религиозной оппозиции в Узбекистане⁷⁰.

Несмотря на то, что Ферганская долина поделена между тремя государствами, она сохраняет некое культурное единство. Некоторые активисты джихада, связанные с ИСД или какой-либо действовавшей во время кризиса в Андижане независимой местной ячейкой, не были уничтожены во время репрессий, а лишь перенесли свою

⁶⁷ R. Weitz, «Storm Clouds Over Central Asia: Revival of the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU)?» [Грозные тучи над Центральной Азией: возрождение Исламского движения Узбекистана (ИДУ)?], *Studies in Conflict & Terrorism*, Т.27, №6, 2004, с. 512.

⁶⁸ Press Room, U.S. Department of the Treasury, «Treasury Designates Leadership of the IJU Terrorist Group» [Министерство финансов называет руководителей террористической группы ИСД], 18 июня 2008, <www.ustreas.gov>.

⁶⁹ I. Rotar, «Terrorism in Uzbekistan: A Self-Made Crisis» [Терроризм в Узбекистане: самодельный кризис], *Terrorism Monitor*, Т.2, №8, 23 апреля 2004.

⁷⁰ I. Rotar, «Ferghana Valley: Return of the Jihad», [Ферганская долина: возвращение к джихаду], 28 августа 2007, Eurasianet.org.

деятельность в киргизскую и таджикскую части Ферганской долины⁷¹. Это означает непосредственное влияние проблем безопасности в Узбекистане на стабильность в соседних государствах. И эта тенденция с неизбежностью продолжится, поскольку не существует никакой реальной надежды на изменение политики Ташкента в этой сфере. Вместо того, чтобы, при помощи тщательной разведывательной работы, идентифицировать конкретных подозреваемых, все имеющие отношение к религии лица вызывают подозрения власти и подвергаются допросам⁷². Тем не менее, было бы упрощением обвинять лишь Ташкент: узбекские джихадисты использовались в качестве предлога для ужесточения политического контроля лидерами всех трёх государств. Например, совсем недавно в Киргизстане был принят новый закон о свободе религии. Закон 1991 года, наиболее прогрессивный в регионе, где строгий контроль является нормой, оценивался как «слишком либеральный и устаревший»⁷³. Общая для трёх государств политика репрессий, проявляющаяся в подобных действиях, подпитывает джихадистскую угрозу в регионе⁷⁴. Новый закон обеспечит более жёсткое регулирование деятельности религиозных групп, что наводит на мысль о возможности применения нового закона против вышеупомянутых групп Хизб ут-Тахрир и Таблигхи Джамаат, не представляющих реальной угрозы безопасности. Подобная логика, существующая повсюду в Центральной Азии, может обернуться серьёзными проблемами, когда аресты религиозных деятелей или потенциальных экстремистов приведут к их радикализации.

Любопытно отметить, что официальные заявления Ташкента и других центральноазиатских столиц заставляют думать, что местные правительства не понимают природы и особенностей той угрозы, с которой им приходится иметь дело. Как и в 1990-х годах, узбекское правительство продолжает рассматривать в качестве единой угрозы все группировки, независимо от их отношения к применению насилия для достижения целей. Например, в сентябре 2004 года, в одном из телевизионных выступлений Ислам Каримов, говоря о группировке Таблигхи Джамаат, заявил: «Если мы не будем бороться с террором, у нас будет появляться всё больше и больше организаций такого типа»⁷⁵. Совершенно очевидно, что власти не отличают группировки, начавшие использовать насильственные методы после получения

⁷¹ *Idem*, интервью с Александром Князевым, политологом из Славянского университета Бишкека.

⁷² Агентство новостей «Фергана.ру», «Узбекистан: проведя ночь в мечети, верующие рискуют оказаться в Службе национальной безопасности», 19 октября 2007, статья доступна по адресу <www.ferghana.ru/news.php?id=7441>.

⁷³ Interfax, «Kyrgyzstan Adopts New Law on Freedom of Worship» [Киргизстан принимает новый закон о свободе вероисповедания], 6 ноября 2008, <www.interfax.com>.

⁷⁴ G. Saidazimova, «Central Asia: Is Islamic Movement of Uzbekistan Really Back?» [Центральная Азия: можно ли говорить о возвращении Исламского движения Узбекистана?], RFE/RL, 2 февраля 2006.

⁷⁵ G. Saidazimova, «Uzbekistan: Tabligh Jamaat Group Added To Uzbek Government Blacklist» [Узбекистан: группа Таблигхи Джамаат добавлена в чёрный список узбекского правительства], RFE/RL, 20 декабря 2004.

Узбекистаном независимости, от таких как «Таблих», которые в своём восприятии религии могут быть фундаменталистскими или радикалистскими, но никогда не прибегают к насилию. Более того, чиновники центральноазиатских государств Ферганской долины приписывали 2007 году акты насилия ИДУ⁷⁶, показывая тем самым, что они совершенно не осознали произошедших в этой организации после 2001 года изменений, и это по меньшей мере частично может служить объяснением неправильного выбора политики. Совершенно очевидно местные политики не осознают, что проводимая ими политика является частью проблемы. Например, лучшим объяснением андижанского кризиса для Ислама Каримова служит теория заговора: «Я убеждён, что случившееся в Андижане было бы невозможным без серьёзной подготовки и опыта, накопленного боевиками в Афганистане и других горячих точках»⁷⁷. Любопытным также является тот факт, что центральноазиатские официальные лица не сделали ни одного заявления относительно ИСД. После разоблачения ячейки этой организации в Германии, узбекские службы безопасности отказались от любых комментариев как самого события, так и по поводу ИСД. Официальным ответом пресс-службы Национальной службы безопасности (НСБ) был отказ дать какой бы то ни было ответ журналистам, не аккредитованным в самом Узбекистане⁷⁸. Это молчание особенно красноречиво, если вспомнить о том, что центральноазиатским разведывательным службам уже случалось в прошлом изобретать существование или преувеличивать значение исламистских группировок, чтобы заручиться поддержкой других государств⁷⁹. Приравнивание других группировок к ИДУ, вместе с молчанием Узбекистана по вопросу ИСД, создаёт впечатление, что центральноазиатские государства не вполне осознают природу угрозы их безопасности. Это делает более понятной тенденцию к массовому преследованию любых подозрительных лиц, имеющих весьма расплывчатый «исламистский» профиль. То есть эта политика не является упрощённо циничной, хотя и приносит определённые политические преимущества. Она скорее является результатом недостаточного понимания и даже недостаточной информированности самих правительств. Поэтому увещевания Запада о соблюдении прав человека не принесут никакого результата до тех пор, пока не начнут сопровождаться реальной помощью в сфере разведки и безопасности против джихадистской угрозы.

Однако в ожидании этой возможной помощи сегодняшняя репрессивная политика представляет реальную опасность для будущего по причине слабости центральноазиатских государств и, прежде всего, в силу того, что структуры власти не имеют чётко определённых правил преемственности, что может позволить

⁷⁶ I. Rotar, *op cit.* [70].

⁷⁷ Обращение И. Каримова к журналистам, Ташкент, 17 мая 2005.

⁷⁸ Uznews, «Uzbek Security Services Silent about Islamic Jihad» [Узбекские службы безопасности хранят молчание об исламском джихаде], 14 сентября 2007, <www.uznews.net>.

⁷⁹ И. Мирсайтов, А. Саипов, *op. cit.* [48].

джихадистам с лёгкостью их дестабилизировать. Иллюстрацией этому могут послужить события в Андижане, которые, судя по всему, стали возможными из-за борьбы за власть между Закиром Алматовым, – всемогущим министром внутренних дел и наиболее вероятным преемником Ислама Каримова в 2005 году⁸⁰, – и Рустамом Иноятовым, выходцем из Национальной службы безопасности. По некоторым сведениям, НСБ сознательно допустила рост напряжённости, с целью вынудить З.Алматова впутаться в эту сложную ситуацию и потерять влияние на президента, немилость которого означала политическую смерть⁸¹. Ситуация могла бы быть намного хуже, если бы вся андижанская область восстала против центра, чего вполне можно было ожидать, учитывая историю региона. Таким образом, слабые государства и их внутренняя политика борьбы за власть, по всей видимости, подпитывают лишённый иерархической организации джихадизм, делая его ещё более опасным.

Наконец, последнее немаловажное замечание. Узбекский джихад, не имеющий чёткого руководства, сможет с большей лёгкостью привлечь новых сторонников среди местного населения в ближайшем будущем. Прежде всего, он может рассчитывать на радикализацию некоторых более «умеренных» исламистов, например, разочаровавшихся членов Хизб ут-Тахрира, возмущённых репрессиями против любого рода исламизма. Как уже было сказано, это движение всегда отказывалось от применения насилия против режимов. Однако, некоторые местные ячейки не вполне согласны с таким подходом⁸². Радикализация становится наиболее вероятной, когда государства региона проявляют неспособность вести идеологическую борьбу и применяют жёсткие репрессии в качестве единственного способа обращения с исламистами, не прибегаящими к насилию⁸³. Поскольку Хизб ут-Тахрир является одной из крупнейших оппозиционных групп в Центральной Азии, насчитывающей от 15 000 до 20 000 членов⁸⁴, возможность сближения отколовшихся от неё местных ячеек с бывшими бойцами ИДУ представляет серьёзную опасность для региона. Помимо этого, узбекские джихадисты могут привлечь сторонников в Таджикистане, где некоторые исламисты, боровшиеся во время гражданской войны (1992-1997) на стороне «Партии исламского возрождения Таджикистана», испытывают все большее разочарование мирным процессом 1997 года. Некоторые из них вновь обратились к насилию через группировку «Байат» (Присяга)

⁸⁰ В это время ходили слухи о болезни Ислама Каримова.

⁸¹ М. Зыгарь, «Клановая операция», *Коммерсантъ* №120/П (3204), 4 июля 2005, статья доступна по адресу <www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=588621>.

⁸² A. Khamidov, «Hizb ut-Tahrir Faces Internal Split in Central Asia» [Внутренний раскол Хизб ут-Тахрир в Центральной Азии], <Eurasianet.org>, 21 октября 2003.

⁸³ A. Mamairov, «Kyrgyz Islamists Build Support» [Киргизские исламисты заручаются поддержкой], *Middle East Times*, 24 ноября 2007.

⁸⁴ International Crisis Group (ICG), *Radical Islam in Central Asia: Responding to Hizb ut-Tahrir* [Радикальный ислам в Центральной Азии: отвечая Хизб ут-Тахриру], Osh/Brussels, «Asia Report», 30 июня 2003, с.17.

и с большой вероятностью их число будет расти⁸⁵. Эта группировка может стать новым важным союзником узбекской джихадистской сети в постсоветской Центральной Азии.

Ответственность региональных держав

Мы уже упоминали о значении выбора странами Центральной Азии политических способов решения проблемы джихадизма. Политика репрессий оказывает настолько значимое негативное влияние на проблемы безопасности, что создаваемая ею угроза выходит за пределы постсоветской зоны. Однако, бросить обвинение лишь Узбекистану и его соседям – это слишком простое решение. Страх слабых государств перед дестабилизацией понятен, при этом трудно представить, что они смогут осуществить необходимые реформы без реальной финансовой помощи со стороны международного сообщества. Помимо экономических обязательств, которые мог бы взять на себя Запад, особую ответственность за происходящее несут две крупные державы региона: Россия и Китай. Однако, их политика по данному вопросу выглядит удивительно непоследовательной. С одной стороны, они выражают обеспокоенность проблемами безопасности в «Большой Центральной Азии» и имеют на то серьёзные причины. А с другой, они оказывают поддержку политике, которая в ближайшем десятилетии может ещё более усилить джихадистские тенденции в регионе.

Москва, а следом за ней и Пекин, считают необходимым проводить силовую политику и препятствовать присутствию США в Центральной Азии. Этого несомненно следовало ожидать: американское желание поддержать «независимость» российских соседей, – например, при помощи «цветных» революций, – может не без оснований восприниматься как способ воспрепятствовать доминированию России в своём ближайшем соседстве и принизить её статус великой державы⁸⁶. Но даже признавая, что великая держава всегда будет заботиться прежде всего о собственных интересах, нельзя обойти вниманием тот факт, что Москва не оказала серьёзного противостояния талибской угрозе в Центральной Азии в 1990-х годах. Можно даже предположить, что в этот период Россия воспользовалась угрозой джихадистов, – и в особенности ИДУ, – чтобы заставить такие страны как Узбекистан согласиться с её доминированием⁸⁷. Кремль твёрдо встал на сторону Узбекистана после кризиса в Андижане, поддержав репрессивную политику

⁸⁵ International Crisis Group (ICG), «Tajikistan's Politics: confrontation or consolidation?» [Политика Таджикистана: конфронтация или консолидация?], Asia Briefing, 19 мая 2004, с.9.

⁸⁶ D. Trenin, «Russia and Central Asia. Interests, Policies, and Prospects» [Россия и Центральная Азия. Интересы, политика и перспективы], in *Central Asia. Views from Washington, Moscow, and Beijing* [Центральная Азия. Взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина], New York-London: M.E. Sharpe, 2007, с.92.

⁸⁷ И.Мирсайтов, А. Саипов, *op. cit.* [48].

Ташкента, с целью отдалить Ислама Каримова от его бывшего американского союзника⁸⁸. Эта логика могла бы быть оправданной в существовавшем до 11 сентября 2001 года мире, но на сегодняшний день проведение подобной политики, поддерживающей авторитаризм и препятствующей любым, – даже благотворным, – действиям соперничающей державы, открывает возможность беспрепятственному росту джихадизма.

Что касается Пекина, то предпринимаемые им действия имеют большее практическое значение, чем действия Москвы в силу специфики проблем безопасности, вызываемых националистическими стремлениями провинции Синьцзян и уйгурского населения. Уйгуров можно встретить практически повсюду в «Большой Центральной Азии». Уйгурские меньшинства проживают в постсоветской Центральной Азии; несколько сотен уйгуров покинули Китай, чтобы воевать на стороне талибов⁸⁹; уйгурские боевики присутствуют также в Пакистане, в особенности на территориях проживания пуштунов. Более того, некоторые уйгурские боевики связаны с джихадистским движением в «Большой Центральной Азии». Джихадистское влияние начинает ощущаться в уйгурском националистическом движении в начале 1990-х годов как следствие контактов уйгуров с афганскими моджахедами в 1980-х⁹⁰. Более того, уйгурские джихадисты в прошлом входили в состав ИДУ и, как уже упоминалось, есть все основания предполагать, что сотрудничество между уйгурами и джихадистами, базирующимся в постсоветской Центральной Азии, сохраняется и сейчас. Наконец, важно отметить, что существует по меньшей мере одна уйгурская джихадистская организация, «Исламское движение Восточного Туркестана». Не исключена возможность существования второй такой организации, «Туркестанской исламской партии», взявшей на себя ответственность за теракты в Китае в мае и июле 2008 года⁹¹. Возможно, это всего лишь другое название «Исламского движения Восточного Туркестана», либо ответвление ИДУ, основанное его уйгурскими членами, захотевшими создать собственную организацию, продолжая при этом оставаться связанными с движением. Так или иначе, существует по меньшей мере одна связанная с узбекскими джихадистами организация, которая может использовать чувство

⁸⁸ J. A. Corwin, «Is Russia Helping Tashkent Clean Up After Andijan?» [Помогает ли Россия Ташкенту в чистке после Андижана?], *Turkey Weekly*, 19 июля 2005, <www.turkishweekly.net>. А также L. Mandeville, «Un an après Andijan, Poutine soutient Karimov» [Год после Андижана, Путин поддерживает Каримова], *Le Figaro*, 15 октября 2007.

⁸⁹ J. Vajoria, «The East Turkestan Islamic Movement (ETIM)» [Исламское движение Восточного Туркестана], *Backgrounder*, Council on Foreign Affairs, 31 июля 2008, <www.cfr.org>.

⁹⁰ A. Lufti, «Blowback: China and the Afghan-Arabs» [Возврат бумеранга: Китай и афганские арабы], *Issues and Studies*, 37, №1, январь- февраль 2001, с.161.

⁹¹ E. Wong, «Warning of Attacks on Olympics Is Said to be Linked to Muslim Separatist Group» [Предполагается, что тревога связана с мусульманской группой сепаратистов], *New York Times*, 9 августа 2008, <www.nytimes.com>.

отчаяния молодых уйгуров и подтолкнуть их к присоединению к региональному джихаду с целью вести борьбу прежде всего в Китае, но также в Центральной Азии и Афганистане.

Недостаток проводимой Китаем политики против уйгурского сепаратизма заключается в том, что, как и в других евразийских странах, она ориентируется только на краткосрочные выигрыши. Китайская дипломатия стремится к улучшению отношений с центральноазиатскими государствами с тем, чтобы остановить распространение постсоветского сепаратизма⁹². И ей это удалось. Однако внутри страны, хотя государство и предприняло некоторые реальные усилия по установлению социального мира, репрессии остаются основным способом борьбы с недовольством. На сегодняшний день, несмотря на отсутствие настоящей партизанской войны или мощного террористического движения внутри провинции Синьцзян, не приходится сомневаться в том, что основная часть уйгурского населения в Китае не заинтересована в интеграции и не верит в возможность социального продвижения в своей стране. Институциональный расизм и распространённый ханьшуйский шовинизм не способствуют улучшению ситуации⁹³. Если в краткосрочный период репрессии кажутся эффективными, в не столь отдалённом будущем новые поколения уйгуров могут выбрать путь регионального джихада против Китая и оказывающих ему поддержку местных режимов.

⁹² H. Zhao, «China in Central Asia Diplomacy» [Китай в центральноазиатской дипломатии], in E. Rumer, D. Trenin, and H. Zhao, *Central Asia. Views from Washington, Moscow, and Beijing* [Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина], New York-London, M.E. Sharpe, 2007.

⁹³ B. Kaltman, *Under the Heel of the Dragon. Islam, Racism, Crime, and the Uighur in China* [Под пятой дракона. Ислам, расизм, преступность и уйгуры в Китае], Athens, Ohio University Press, с.131-133.

Заключение

Таким образом, «аль-каидовская» угроза в Центральной Азии не является преувеличением, хотя и с некоторыми оговорками. Не все исламистские группировки одинаковы: настоящую угрозу представляет «многоголовая гидра», состоящая из ИДУ, ИСД и центральноазиатских джихадистских ячеек в Ферганской долине. Все вместе они могут послужить дестабилизирующим фактором в «Большой Центральной Азии» и даже за её пределами, если принять во внимание обнаруженную в Германии ячейку ИДУ. Перед лицом подобного вызова все заинтересованные стороны должны взять на себя должную ответственность.

Во-первых, первоочередная и основополагающая ответственность лежит на США и других нациях, сражающихся на передовой войны с терроризмом в Афганистане. Победа в войне против неоталибов абсолютно необходима для стабилизации не только в Афганистане и Пакистане, но и в Ферганской долине. ИДУ и ИСД будут продолжать подготовку молодых выходцев из Центральной Азии и распространять пропаганду джихада в регионе до тех пор, пока у них сохранится такая возможность. И даже если сами по себе они недостаточно сильны для создания хаоса на Великом шёлковом пути, их выбор в качестве мишеней слабых государств с неопределёнными правилами преемственности власти даёт им возможность реального влияния в Центральной Азии в ближайшее десятилетие. Американская военная кампания в конце 2001 года значительно уменьшила опасность ИДУ, но «аль-каидовская» угроза продолжает существовать и способна распространиться на Европу. Поэтому, наступило время для Коалиции завершить начатое и организовать преследование ИДУ и ИСД как при нанесении ударов по пуштунским территориям, так и в сотрудничестве с пакистанским правительством по борьбе с джихадистами. Только доказав реальную заинтересованность в центральноазиатской безопасности, западные державы смогут повлиять на способы управления в Узбекистане и других государствах региона.

Во-вторых, тот факт, что центральноазиатская угроза активно присутствует также в Афганистане и Пакистане, должен подтолкнуть европейские страны к принятию понятия «Большая Центральная Азия», признанного *de facto* госдепартаментом США в феврале 2006 года⁹⁴. Конечно, идея заключается не в том, чтобы принять его как

⁹⁴ *Politique Etrangère*, специальный выпуск «Grande Asie Centrale et manoeuvres de puissance» [Большая Центральная Азия и игры власти], Введение, №3, 2008, с.547.

некую жёсткую концепцию, поскольку, к примеру, понятие постсоветской Центральной Азии имеет смысл, когда речь идёт о культурных связях, а в сфере энергетики не подвергается сомнению приемлемость концепции «Центральная Азия и Кавказ». Тем не менее в сфере безопасности, угроза, исходящая от узбекской гидры, отражает полную адекватность понятия «Большой Центральной Азии». Трудность заключается в том, что в Европе продолжает доминировать восприятие эпохи холодной войны, в котором Центральная Азия связана с Россией, Пакистан с Индией, а Афганистан представляется в виде изолированного от соседей острова. Принятие этой концепции было бы полезным в подходе к этому особому региону сейчас, когда ЕС, наряду с Японией, США и другими державами, начинает проявлять интерес к ресурсам постсоветских государств, а также через НАТО вовлекается в борьбу против неоталибов.